

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

II, 5

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Н. А. НЕВСКИЙ

О наименовании Тангутского государства

Ван Цзин-жу 王靜如 в своей статье 西夏國名考 Си-ся го-мин као «О названии государства Си-ся»¹ приводит полное официальное название тангутского государства [Т. 1], обнаруженное им перед титулом императора в предисловии к тангутскому переводу *Suvapnarpabhāsottamaṅgā-sūtra* (экземпляр Национальной Бэйпинской библиотеки; по каталогу, составленному Чжоу Шу-цзя, № 1).

Автор статьи дешифрирует это название китайскими идеографами 白彌大夏國, что должно перевести, как то следует из его дальнейших рассуждений, — «государство Великого Лета Белых Ми». «Великое Лето», как правильно отмечает автор, является буквальным переводом китайского названия древней династии Да-Хя «Великая Хя», первым императором которой считается Великий Юй. Тангутское государство занимало ту территорию, которую гунн Хэ-лянь Бо-бо называл той самой местностью, где находилось древнее государство «Великой Хя».

Что касается первых двух идеографов в названии тангутского государства, то первый, собственно, значит «белый», а второй — «высокий». Оба эти идеографа в сочетании с идеографом, соответствующим китайскому 國 «страна, государство», тоже употребляются в некоторых тангутских письменных памятниках (напр., на Лянчжоу'ской стеле, на печати в рукописях *Ratnamegha-sūtra* и *Dirghāgama-sūtra* Азиатского музея Акад. Наук СССР и пр.) для обозначения Тангутского государства [Т. 2].

¹ См. 西夏研究 Си-ся янь-цзю (*Shishiah Studies*), ч. I, стр. 77—78. Бэйпин, 1932 (изд. Историко-филологического исследовательского инст. при Государственной Академии).

Так как перевод такого сочетания, как «белое, высокое государство» не дает возможности понять ту идею, которая двигала тангутами при выборе такого названия, то Ван Цзин-жу отказывается от перевода второго идеографа в его основном значении и считает, что он употреблен в названии фонетически. Автор статьи отмечает, что в Юань-ши 元史, т. е. «Истории эпохи Юань» неоднократно говорится о тангутах, как о людях рода (氏) «Юй-ми» или «У-ми», каковое наименование в этой истории передано китайскими идеографами 於彌, 烏彌 и 吾蜜 и иллюстрирует это примерами, заимствованными из Си-ся цзи 西夏記. Судя по некоторым примерам, можно даже предположить, что Юй-ми было названием племени, так в Ли Ши-ань му-чжи 李世安墓誌 «Надписи на могиле Ли Ши-ан'я», составленной У Чэн'ом 吳澄, говорится: «Гун был человеком из Хо-лань'ского племени Юй-ми в Си-ся» (公西夏賀蘭於彌部人也). Таким образом автор приходит к заключению, что у-ми или юй-ми было ни более, ни менее, как китайской транскрипцией, тангутского слова, которым тангуты называли себя, свое племя. А так как идеограф 彌 ми (древнее чтение *mjie) в северозападной части Китая произносится mbi, а второй идеограф в названии тангутского государства в двуязычном словаре Чжан-чжун-чжу транскрибирован идеографом 命 мин (др. чт. mɿ'ei), произносимым в тех же местностях, как mbie, то Ван Цзин-жу и отождествляет оба идеографа, считая тангутский тоже транскрипцией названия народа. Принимая во внимание, что многие из юго-западных инородцев Китая обычно называют себя словом, означающим «человек» и в подразделении племен прилагают к основному понятию эпитеты «белый» и «черный», автор и переводит первые два идеографа в названии государства «Белые Ми» (-mbie).

Но на этом Ван Цзин-жу не останавливается, далее он приводит еще один идеограф [Т. 3], употребляемый тангутами для обозначения своей национальности и переводимый ими китайским 番 фань. На основании статьи профессора А. И. Иванова, помещенной на китайском языке в журнале 北大國學季刊 «Бэй-Да Го-сюэ цзи-кань», т. I, № 4, в которой он читает вышеназванный тангутский идеограф, как 米 ми, и заявляет, что ми по-тангутски означает «человек» (несомненно по ассоциации с тибетским mi), — Ван Цзин-жу склоняется видеть тесную связь между произношением этого тангутского идеографа и второго идеографа в названии государства, считая оба эти идеографа употребляемыми фонетически,

и таким образом название «белые Ми» расшифровывает как «белые люди».

В заключение этой части своей статьи автор исследует имена и фамилии разных племен, имеющих отношение к 羌 k'iañ, т. е. пастушеским племенам, к которым китайские историки относили тибетцев, тангутов и др., везде находит то или иное отношение к названию 彌 mi ← mjie и даже доходит до населения древнего удела 楚 Чу, которое как в смысле лексики своего языка, так и в смысле порядка слов в предложении, приближалось к тибетцам.

Как видно из всего вышеизложенного, Ван цзин-жу, построив свою новую и весьма интересную теорию, решил сразу покончить со всеми вопросами, связанными с названием тангутского государства. Не смотря на то, что теория эта была, повидимому, продумана и построена вполне логично, все-же, мне кажется, в нее должны быть внесены некоторые и весьма существенные поправки.

Прежде всего по конструкции тангутского языка прилагательное определение (в особенности это должно сказать о прилагательных, означающих цвет), за незначительными исключениями, должно стоять за своим определяемым. Например, идеограф, означающий «белый» в таких словах, как «белый тигр», «белый баран», «белая роса», «белый рис», «белая земля», «белый фимиам» (≡ gum olibanum), «белый лотос» [Т. 4] и др., стоит за определяемым. Почему же «Белые Ми» составляют исключение? На это можно ответить, что в сочетании «Белые Ми» идеограф «белый» стоит на первом месте или потому, что он употреблен фонетически, как например, в случае китайской фамилии P'ai имени 龐涓 P'ai K'uan [Т. 5] (в переводе китайского произведения 孫子 «Сунь-цзы») или потому, что этот идеограф вовсе не является в данном случае прилагательным определением. Допустим далее, что Ван Цзин-жу прав, что слово mi (или mbie), это — название племени, восходящее к понятию «человек», но зачем же название собственного племени передавать то одним идеографом (второй идеограф в названии государства, Т. 1, 2), то другим (Т. 3)? Неужели тангуты, изобрели весьма большое количество идеографов специально для передачи китайских фамилий, тех или иных фонетических сочетаний в dhāgañi и пр., о чем свидетельствует нам словарь «Море письмен», не изобрели никакого определенного идеографа для обозначения своего собственного племени? Неужели тангуты, называя себя «людьми» (mi или

mbie), произносили это слово различно? Дело в том, что идеограф «высокий» и идеограф [Т. 3] оба начинаются с губной согласной (засвидетельствовано словарем «Гомофоны»), оба произносятся «восходящим» тоном (засвидетельствовано словарем «Драгоценные рифмы Моря письмен»), но имеют различное окончание, о чем свидетельствует словарь «Драгоценные рифмы М. П.», который отпосит первый из идеографов к рифме 33-й, а второй — к рифме 10-й.

Под 33-й рифмой мы находим, например, следующие идеографы [Т. 6]. Первый из них в тибетской транскрипции — me, второй — the, третий — peḥ, ṅeḥ, ṅe (в кит. тр. 寧 *nieḥ, niṅ), четвертый — leḥ, le (в кит. тр. 領 *lǎḥ, liṅ). Идеограф «высокий» тоже транскрибирован по-тибетски ḥbhe, что несомненно читалось mb'e. Таким образом, мне кажется, можно установить его чтение, как 'mb'e (или 'mb'e).

Под 10-й рифмой имеем, например, идеографы (Т. 7), из которых первый употребляется для транскрипции китайского 比 pi, *pji, *b'ji, второй — китайского 彌 mi, *mjie, третий служит для транскрипции тибетского bi, четвертый — китайского 底 ti, *tiei и тибетского ti, пятый — в китайской транскрипции 你 ni, *ni, в тибетской — niḥ и, наконец, шестой в китайской тр. 宜 i, *ṅjie и в тибетской ḥgyi (читай ṅji). Так как идеограф [Т. 3] входит в одну группу со вторым из вышеприведенных, то можно признать его чтение *'mi.

Этот идеограф *'mi, повидимому, является идеографом, специально изобретенным для обозначения понятия «тангут», другими словами, для передачи на письме одного из тех слов, которыми тангуты называли себя. В моей личной практике он всегда употреблялся лишь в своем основном значении и ни разу фонетически. В послесловии к сутре «Восхождения Майтреи на небо Тушита», написанном императором 仁宗 Жэнь-цзун'ом (1140—1193) имеем, например, такое выражение [Т. 8] — «тангутская, тибетская и китайская трипитака», где слово «тангутская» передано данным идеографом. Выражение [Т. 9] «тангутская страна», «тангутское государство» тоже встречаем в некоторых оригинальных тангутских произведениях, вроде «Море смысла, установленное (?) Святым (= императором?)» [Т. 10], где находим и слово [Т. 11] «человек Ми», обозначающее тангута.

Что касается идеографа *'mb'e, то обычно он встречается в своем основном значении «высокий», но иногда, если не ошибаюсь, употребляется и фонетически, например, в dhāgaḥi.

Однако в сочетании, которое мы находим в официальном названии тангутского государства, он употреблен вовсе не фонетически для передачи понятия «тангут», а в одном из своих значений «верх, верховья», как это видно из строго выдержанного параллелизма в нижеприведенном и разобранном тексте [Т. 12]. Текст этот взят мною из начала одной тангутской оды, написанной от руки на оборотах страниц одного тангутского ксилографа, не имеющего общего заглавия, но заключающего в себе пять отдельных поэтических произведений. Этот ксилограф Азиатского музея АН СССР, как помечено в печатном колофоне после каждого произведения, отпечатан в тангутской государственной типографии [Т. 13] в 16-м году «Небесной Помощи» (乾祐), что соответствует 1185 году.

Первые два идеографа в приведенном начале тангутской оды соответствуют китайским 頭黑 и буквально значат «черная голова»; во второй строфе им соответствуют первые два идеографа, равносильные китайским 面赤 «красное лицо». Оба эти выражения в тангутской поэзии постоянно употребляются в приложении к тангутскому народу и потому их должно переводить «черноголовые» и «краснолицые». Встречаются параллели вроде «тысячи черноголовых» и «мириады краснолицых». Например [Т. 14]:

«Под августейшим небом тысячи черноголовых
по благоденствию (то) низки, (то) высоки;
На государственной земле мириады краснолицых
по мудрости не равны».

Выражение «черноголовые» может быть соответствует китайскому 黔首 цян-шоу с тем же значением, употребляемому в смысле «простой народ». Выражение 赤面國 чи-мянь-го «государство краснолицых» встречаем, например, в 釋迦牟尼如來像法滅盡之記 Ши-цзя-моу-ни жу-лай сян-фа ме-цзинь-чжи цзи (перевод тибетского произведения Li-yul luñ-bstan-pa) для обозначения Тибета. В тибетско-английском словаре Sarat Chandra Das'a говорится, что Тибет до распространения буддизма назывался gdon-dmar-can-gyi yul «страною краснолицых» (см. под словом bod) или gdon-dmar-bod-kyi yul «страною Бот краснолицых» (под сл. gdon). В Тан'ской истории, как старой, так и новой, говорится, что жители 吐蕃 Ту-фань, т. е. Тибета мазали лица красной краской (赭 чжэ). Судя по употреблению данного выражения в тангут-

ских одах, можно предположить, что тангуты тоже следовали этому обычаю древних тибетцев. Какая была разница между «черноголовыми» и «краснолицыми» в настоящий момент, за недостаточностью материала, сказать трудно. Может быть, оба эти выражения были метафорическими обозначениями народа вообще, может быть этими названиями различались отдельные классы тангутского общества, может, наконец, это было популярным наименованием каких-то двух основных племен тангутского народа, образовавших свое государство. Ясно только, что этимология обоих выражений осознавалась вполне отчетливо, за что говорит строгий параллелизм выражений и еще то обстоятельство, что в «Стихах о ежемесячных удовольствиях 月月娛詩 [Т. 15] в параллель к вышеприведенным выражениям имеются два другие [Г. 16] с теми же значениями «черноголовых» и «краснолицых». В некоторых текстах говорится только об одних «черноголовых», так, например, в словаре «Море письмен» под 27-й рифмой «ровного» тона находим идеограф [Т. 17], поясняемый сочетанием [Т. 18], за которым следует более подробный комментарий [Т. 19] 頭黑之父先人名是也 «это отец (= родоначальник) черноголовых, имя прежнего (= древнего) человека».

Я лично склонен считать «черноголовых» и «краснолицых» синонимическими выражениями, употреблявшимися в значении тангутского народа в целом.

Перехожу снова к нашему тексту. Следующие два идеографа первой строфы соответствуют китайским 石城 «каменный город». Во второй строфе им соответствуют третий и четвертый идеографы, из которых третий значит «отец», а четвертый в «Море письмен» поясняется идеографами [Т. 20], означающими «земляной курган», «могильный холм» (в сутре 七佛八菩薩所說大陀羅尼神咒經 Ци-фо ба-пу-са со-шо да-го-ло-ни шэнь-чжоу цзин этим сочетанием переведены китайские идеографы 丘墓). Таким образом все сочетание должно перевести «могилы отцов», а может быть даже и единственным числом «могила отца» (т. е. родоначальника), «отцовский курган».

Пятый идеограф первой строфы в «Море письмен» (под 54-й рифмой «ровного» тона) поясняется [Т. 21] 空也人無地空之謂。野空之謂。又人姓亦謂。 «пустыня, т. е. пустая местность, пустынная степь; кроме того также фамилия». Шестой идеограф собственно значит «вода», но подобно китайскому 水 шуй («вода») иногда

употребляется в смысле «река», какое значение он здесь и имеет, что подтверждается параллелизмом следующей строфы. Пятый и шестой идеографы вместе, таким образом, следует перевести «воды (= река) пустыни». Во второй строфе этому выражению соответствуют идеографы, имеющие значение китайских 河 白 «белая река», Здесь определение — прилагательное, как и в вышеприведенных словах «черноголовые» и «краснолицые» стоит по всем правилам за определением. Наконец, последний идеограф первой строфы, соответствует китайскому 邊 «край, граница, берег» (или 側) «бок, сторона, возле, около»); во второй строфе ему соответствует идеограф *'mb'e «высокий», который здесь употреблен в значении «верх», а в приложении к реке «верховья». Таким образом полный перевод первых двух строк будет следующий:

«Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни»,
«Краснолицых отцовские курганы в верховьях Белой реки».

Переходя к третьей строфе, сразу же наталкиваешься на первые два идеографа, которые не встречаются в переводных тангутских произведениях, что заставило меня предпринять специальное их исследование. Оба эти идеографа, повидимому, составляют постоянное сочетание, так как тот и другой в словаре «Гомофоны» кратко поясняются данным сочетанием. В одном из экземпляров этого словаря в библиотеке Азиатского Музея, к сожалению не полном, на оборотной стороне страниц, за каждым идеографом от руки приписаны значения этого идеографа тангутским письмом. Таким образом оба разбираемые идеографа пояснены (каждый в своем месте) сочетанием [Т. 11] «человек Ми», т. е. тангут, а идеограф *'mi [Т. 3] — данным сочетанием плюс идеограф «человек» [Т. 22]. Из этого становится ясным, что оба идеографа третьей строфы, взятые вместе, являются одним из названий тангутов. Первый идеограф вышеназванным словарем отнесен в отдел губных-смычных (唇重音) и входит в одну фонетическую группу с идеографом [Т. 23], транскрибированным по-тибетски (во фрагментах с тибетской транскрипцией) mi, dmih, gmi, mi. В словаре «Драгоценные рифмы Моря письмен» он отнесен к 27-й рифме «восходящего» тона, под которой находим, например, идеографы [Т. 24], из которых первый транскрибирован китайским 勿 u, wu в тибетской тр. dwi, bwa, а второй употребляется для транскрипции китайских 釋 śi, *śiäk и 世 śi, *śiäi. Из сравнения этих окончаний с окончаниями идеографов

29-й рифмы «ровного» тона,¹ соответствующей данной, можно предположить, что общим окончанием этих рифм была mixed vowel i, и таким образом искомое чтение идеографа, вероятно, было *'mī.

Что касается второго идеографа третьей строфы, то «гомофонами» он отнесен в отдел дентальных, п в одну фонетическую группу с ним входят два идеографа [Т. 25], из которых ни один не встречался мне в фонетическом употреблении. «Драгоценные рифмы» относят его к 18-й рифме «восходящего» тона, под которой находим, например, следующие идеографы [Т. 26]. Первый из них в Чжан-чжун-чжу транскрибирован китайским 召 t̚sau, *d'jäu (Lt. t̚s̄, Pl. tau), второй употреблен для транскрипции кит. 燒 şau, *şjäu (Lt. ş̄, Pl. şau), третий передан кит. 說 şuo, *şj'ät (Lt. fo, Pl. fo) четвертый транскрибирован 了 liau, *lieu (Lt. lē, Pl. leau) и, наконец, пятый передается через 烈 lie, *ljät (Lt. lie, Pl. lē). Сравнение с 21-й рифмой «ровного» тона, соответствующей данной, приводит к заключению, что обе рифмы вероятно имели своим окончанием ä, может быть, с некоторой долготой (т. е. ǟ) для «ровного» и «восходящего» тонов и сгор-танным взрывом (т. е. ä') для «обрывистого» тона (入聲). Обращая внимание на графику первого из указанных идеографов, входящих в одну группу с разбираемым [Т. 25], мы замечаем, что в его состав входит часть идеографа «сердце» [Т. 27], транскрибированного китайскими 你 nī, *nī и 寧 nīn, *nīen или по-тибетски ne, gne, gñeñ. Если мы допустим, что эта часть употреблена в идеографе в качестве фонетической части, то придем к заключению, что весь идеограф, равно как и все прочие идеографы группы, должны читаться *'nǐä. Этому допущению способствует еще и то обстоятельство, что в «Гомофонах» фонетическая группа, следующая за разбираемой включает в себе идеограф [Т. 28] тоже транскрибированный китайским 你 *nī, nī а по-тибетски gne, gñeñ. Таким образом, если наше допущение, окажется правильным, то название тангутов, выраженное первыми двумя идеографами третьей строфы должно читаться *'mǐ-'nǐä. Так как государство тангутов занимало местность к западу от Желтой реки (黃河), главным образом нынешнюю провинцию Гань-су, то китайские исторические труды (в особенности в эпоху монголов и позднее) называли эту страну 河西 Хэ-си (букв. Запад Реки). Тибетско-китайский словник в серии 華夷譯語 Хуа-и и-юй в отделе географии (地理門) приводит слово mǐ-ñag (читай mǐ-ñak или mǐ-ñä'), переводом

¹ В тангутских фонетических таблицах обе рифмы сведены в одну таблицу.

которого является вышеназванное слово Хэ-си. Сравнивая наименование тангутов *'mī-'ñǎ с тибетским mī-ñag, мы можем отождествить эти слова и прийти к тому выводу, что тибетцы дали название местности Хэ-си по жившему там народу. Отождествлению двух слов способствует то обстоятельство, что в «Драгоценных рифмах Моря письмен» под «восходящим» тоном помещены и окончания обрывистого, буквально «входящего» тона (入聲), т. е. оканчивающегося на импловивную согласную или на гортанный взрыв, так что вполне возможно, что тангутское слово произносилось не *'mī-'ñǎ, а *'mī-niǎ'.

Возвращаясь снова к нашему тексту, можно сказать, что в дальнейшем он уже не представляет никаких трудностей. Третий идеограф, соответствующий китайскому 長, значит «длинный» и в данном случае несомненно употреблен в качестве эпитета к предыдущему названию народа. Вероятно, имеется в виду высокий рост, о чем говорит пропущенная мною четвертая строфа нашей оды: «высокого [человеческого] роста люди в 10 футов» (人量高十尺人) [Т. 29]. Четвертый идеограф представляет собой суффикс genitivi-possessivi и dativi (иногда также accusativi), употребленный здесь в первом значении. Пятый идеограф значит «страна, государство» (кит. 國), шестой — указательное местоимение (кит. 其, 彼) и, наконец, седьмой, — «быть, находиться в чем-либо», существовать» (кит. 有, 在; тиб. mchis-ra). Таким образом, третью строфу следует перевести так: «Длинных 'mī-'ñǎ', (т. е. тангутов) страна там находится».

Разобранные выше первые три строфы оды, повидимому, определяют местонахождение тангутского государства. Возникает вопрос, что же это за «воды пустыни» и где находится «белая река». Мы знаем, что северная окраина тангутского государства выходила за пределы Великой стены и находилась в пустыне Гоби, гранича таким образом с владениями монгольских кочевников. Когда мы развернем современную карту Северного Китая, то сразу же напрашивается на отождествление с «водами (= рекой) пустыни» одна из значительных рек Средней Азии Эцзин-гол, берущая начало с хребта Рихтгофена, текущая отсюда на север по провинции Гань-су в Гоби и впадающая в соленое озеро Гашун-нор (gašigun-nor). Один из ее истоков носит название «Белой реки» (白河 Бай-хэ); он сливается с «Черной рекой» (黑河 Хэй-хэ) и уже в Гоби река носит монгольское название Эцзин-гол. Хэй-хэ, как теперь эта река обычно назы-

вается китайской географической литературой, название сравнительно новое, прежде она называлась Хэй-шуй (буквально «черные воды»). Этим же словом обозначался и находившийся на ее берегу знаменитый «мертвый город» Хара-хото, из которого наш известный путешественник П. К. Козлов и вывез те неогрениенные памятники материальной культуры тангутов, которые ныне хранятся в Азиатском Музее Акад. Наук СССР и Государственном Эрмитаже. Китайское название, как реки, так и города Хэй-шуй несомненно являются буквальным переводом тангутского слова [Т. 30], имеющего значение «черные воды». Это слово, как название города, в котором находились военные посты, зарегистрировано различными тангутскими памятниками, из которых в первую очередь можно назвать «Исправленный и вновь утвержденный кодекс законов (эпохи) Небесного Процветания» (天盛) [Т. 31] (см. напр. т. XX). Так как Хэй-шуй был городом, стоящим в степи и являлся крепостью для защиты от набегов монгольских кочевников, то он, как всякая такая крепость, был окружен каменной стеной; об этом свидетельствуют и показания П. К. Козлова при раскопках Хара-хото. Может быть, «каменный город», о котором говорится в первой строфе разобранного выше начала тангутской оды, и указывает на эту крепость. Первый идеограф в тангутском названии крепости значит «вода» и в словаре Чжан-чжун-чжу транскрибирован китайским биномом 水 則, а во фрагментах с тибетской транскрипцией *gzi*, *gzih*. В словаре «Гомофоны» этот идеограф, равно как и все прочие транскрибированные (в Ч.-ч.-ч.) по-китайски идеографом 水 移 т, е. 移 *i*, **i*ɛ с диакритическим знаком 口 «рот», отнесены в последний отдел, заключающий в себе идеографы, начинающиеся с так называемых «язычно-зубных» 舌 齒 音 [Т. 32]. Китайские фонетические таблицы в этот отдел относят две категории фонем, — с одной стороны, латеральную *l* и с другой — весьма различно отразившуюся в современных диалектах фонему, которую В. Karlgren восстанавливает в виде *l̥*. Тангутская фонетическая система, целиком основанная на китайской, тоже различает в этом отделе два типа начальных фонем, выражаемых идеографами [Т. 33], играющими роль 字母 *l̥*-му [Т. 34]. Первый тип охватывает латеральную фонему *l* с различными вариантами вроде глухого *l* (в тибетской тр. *lh* или *sl*, реже *zl*); сюда же, вероятно, относится и *ɣ* (в Ч.-ч.-ч. передается китайскими *l*-идеографами с диакритическим знаком «рот», а в тибетской — буквой *ɣ*). Ко второму типу отнесена та фонема, с которой начинается вышеприведенное слово «вода».

Для выяснения характера последней фонемы приведу еще несколько тангутских слов, зарегистрированных, как в китайской, так и тибетской транскрипциях. Таковы, напр., «роса» [Т. 35] кит. тр. 𠄎移 則 *i+tsə*, — тиб. тр. *grzə*; «все» [Т. 36] к. тр. 𠄎移 *i*, **iə* — т. тр. *zi*, *zih*, *gzi*, *gzih*; «век, предел жизни» [Т. 37] к. тр. 𠄎移 將 *i+tsiaŋ*, — т. тр. *gzo*; «держатель» [Т. 38] к. тр. 𠄎移 作 *i+tsə*, — т. тр. *gzoŋ*, *gzoh*; «приставать, задерживаться» [Т. 39] к. тр. 𠄎移 責 *i+tsə*, — т. тр. *gzeŋ*; «длинный, долгий, весь» [Т. 40] к. тр. 𠄎移, — т. тр. *zih*, *gzih*, *rdzih*. Сюда же относятся: «кровеносные сосуды» [Т. 41] к. тр. 日 責 *zi+tsə*, — т. тр. *žir*; «беспокойство» [Т. 42] к. тр. 日 責, т. тр. *gži*. Здесь же мы видим все идеографы, употребленные в Ч.-ч.-ч. для транскрипции китайских, начинающихся с *z* (**ńz*), напр. «мудрость» [Т. 43] т. тр. *gžir*, *žir* (в Ч.-ч.-ч. служит для передачи произношения китайских 日 *zi*, **ńziət* и 入 *zu*, **ńziər*) и многие другие. Наконец, сюда же «Гомофонами» отнесен идеограф [Т. 44], означающий «Китай» и транскрибированный в Ч.-ч.-ч. 𠄎𠄎 *tsan*. Однако идеограф «рости» [Т. 45], транскрибированный в Ч.-ч.-ч. тем же знаком, а во фрагментах с тибетской транскрипцией *hdza*, *hdzah*, *žai* отнесен «Гомофонами» в отдел дентально-альвеолярных (𠄎 頭 音).

Обращая внимание на тибетскую транскрипцию, мы замечаем, что данная фонема с одной стороны передается через *z*, *gz*, *gtz* и *rdz*, а с другой через *ž* (=ж) и *gž*. Здесь должно отметить, что в чисто тибетском языке графического сочетания *gz* (т. е. *z* с надписанным *g*) не встречается и что сочетание *rdz* в современном языке обычно произносится, как *z*.¹ Так как нам известно, что в прочих случаях надписанное *g* в современном тибетском языке произносится, как увулярное *g* недрожащее² (графич. символ *B*), то для эпохи существования тангутского государства мы можем предположить такое произношение для всех случаев и следовательно ожидать, что *gz* и *rdz* произносились тоже *Bz* и *Bdz*. Что касается начального префиксированного *g*, то, хотя оно обычно и не произносится, но, в зависимости от предшествующего слога с гласным окончанием, в некоторых говорах присоединяется со свойственным ему произношением к этому слогу,³ что конечно доказывает, что в старину все префиксированные буквы произносились. Так как в Восточном Тибете, т. е. в той части, которая

¹ Jäschke. Tibetan Grammar, стр. 8—9 и 108—109. Berlin, 1929.

² Jäschke. Op. cit. стр. 107—108.

³ Я. Шмидт. Грамматика тибетского языка, стр. 22. С.-Петербург, 1839.

границила с Тангутским государством, звонкие *g, d, b, j* и *dz* обычно произносятся с аспирацией¹ (последняя утрачивается в случае, если есть префиксированная или надписанная буква)² то мы можем предположить, что префиксированная *g* тоже произносилась *g'*, но ее исчезновение из произношения в современных говорах заставляет допустить, что перед исчезновением она прошла через ступень γ , т. е. заднеязычного звонкого спиранта, место образования которого весьма близко к увулярному *B*. Обе эти фонемы (т. е. γ и *B*) в диалектах многих существующих языков заменяют одна другую. Если в эпоху существования Тангутского государства префиксированное *g* произносилось как γ , то тибетские транскрипции разбираемой тангутской фонемы в виде *gz* (= γz) и *gz* (*Bz*) могут рассматриваться почти идентичными.

Исследуя тангутские фрагменты с тибетской транскрипцией, мы можем заметить, что префиксированье *g* или надписыванье *г* иногда чередуется с префиксированьем *h* (*ha-chuñ*), т. е. звонкого гортанного спиранта³ (графический символ *h*, у Karlgren'a⁴), который в качестве префиксированной буквы, указывает на назальный предзвук последующей согласной или, другими словами, на то, что последняя относится к категории «звонких полуносовых» (^m*b*, ⁿ*d*, ⁿ*g* и др.).⁴ Например, тангутский идеограф «собираться» [Т. 46] по-тибетски транскрибирован *hdze* (= ⁿ*dze*), *gziñ*, *gdzi* и *rdzi*, а по-китайски 尼 則 *ni+tsə* (= ⁿ*dzə*). Таких примеров, где префиксированная *g* (= γ) соответствует назальному предзвуку, указанному китайской транскрипцией, найдется довольно много. Например, идеограф «обнаруживать» [Т. 47] в тиб. тр. *gju* (γdzu), *gjuñ* или *hju* (= ⁿ*dzu*), в кит. тр. 兪 卮 *niu* (ср. яп. *kan-on d'ziku*, *go-on niku*); или идеограф «дыра, нора» [Т. 48] в тиб. тр. *gjoñ* а в китайской — 尼 長 *ni+tsañ* (ⁿ*dzañ*) и пр. Передача на письме назального предзвука «полуносовых звонких» спирантами *h, \gamma* и *B*, вероятно, обусловлено тем обстоятельством, что этот предзвук действительно носит характер спиранта, т. е. в нем отсутствует элемент полной смычки. Последний появляется вполне отчетливо лишь в компаундах после предшествующего открытого слога, что имеет

¹ Jäschke. Op. cit., стр. 3.

² Ibid. стр. 9 и 12.

³ Ibid., стр. 106.

⁴ Ibid., стр. 12. См. также Шмидт. Op. cit., стр. 10—11 и Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов, стр. 151. Ленинград, 1928.

место в большинстве современных тибетских диалектов в случае префиксированного «*ha-chuih*».

Выше мы видели, что та же тангутская фонема (или ее вариант) транскрибируется по-тибетски еще *ž* (дорсальное ж) или *gž* (*γž*). Разница между *z* (з) и *ž* (ж) огромная, но, если мы допустим, что наша фонема была палатализованным *ž*, то разница между мягким *z* (*z'*), для изображения которого в тибетском алфавите нет специального знака, и мягким *ž* (*ž'*) будет уже не так велика. Транскрибирование тангутской фонемы китайским 日移 *i; ji*, мне кажется сближает ее с «иотом», т. е. звонким палатальным спирантом.¹

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что данная тангутская фонема, по всей вероятности, была звонким дентально-альвеолярным (или даже палато-альвеолярным) спирантом с сильным поднятием средней части языка к нёбу и начиналась некоторым слабым, задним спирантным предзвуком, приближающимся к гласной и склонным к назализации. В дальнейшем я ее буду изображать символом *γž*, где «гаммой» условно передаю вышеописанный предзвук.

Сравнивая тибетскую и китайскую транскрипцию тангутского слова «вода», можно заключить, что оно произносилось **γže* или **γžie* (ср. слово «вода» на языках Ло-ло и Мо-со: *A-hi yi³*, *yi³-djué⁴*, *yi³-dyé⁴*. *N yi jè*, *Lo-lo-p'o vi³-dyé*; *Mo-so djién, dzié, dji*).²

Что касается второго идеографа в тангутском названии города Хара-Хото, то в Ч.-ч.-ч. он транскрибирован китайским 日黑 *mo* (**mək*), но «Гомофоны» относят его не в отдел губных смычных, а в отдел дентальных. В Ч.-ч.-ч. есть несколько примеров, когда идеограф читается не с той согласной, с которой бы мы ожидали и, в частности, имеются другие примеры, когда вместо *m* должно читать *n*; все это, вероятно, объясняется влиянием местного китайского диалекта того времени. В «Гомофонах», в одной фонетической группе с нашим находим идеограф [Т. 49], употребленный в *dhāgaṇi* на воротах Цзюй-юн-гуань для транскрипции санскритского *ṇa*, переданного в китайской части надписи идеографами 尼野. В «Драгоценных рифмах» этот идеограф помещен под 21-й риф-

¹ Отмечу здесь, что свободное *i* (*ji*) в некоторых китайских диалектах, напр., в Шаньси, произносится с весьма энергичной артикуляцией, сближающей данную фонему с дорсально-альвеолярным спирантом *ž'* (См. В. Kalgren. *Études sur la Phonologie Chinoise*, стр. 299).

² N. Nevsky. *A Brief Manual of the 'Si-hia Characters with Tibetan Transcriptions*, стр. 18. Ōsaka, 1926.

мой «ровного» тона, которая, как говорилось выше, оканчивается на \bar{a} . Судя по месту данного идеографа в «Море письмен», можно заключить, что оно соответствует третьему горизонтальному ряду фонетических таблиц, другими словами, между начальной и конечной должен быть поставлен «йот». Таким образом получается, что слово «черный» по-тангутски произносилось $*\text{ni}^{\bar{a}}$ (ср. тибетское *paḡ* «черный», читающееся *paḡ* или *pä'*, смотря по местности).

Зная теперь фонетические эквиваленты идеографов в тангутском названии Хара-хото, можно сказать, что этот город назывался $*\gamma\bar{z}ie\text{-ni}^{\bar{a}}$. Вероятно это тангутское название и было передано в китайской истории в виде 亦集乃 *i-tsi-nai*. «В 1500 ли от Гань-чжоу — говорится в Юань-ши — находится Идзинай-лу; к северо-востоку от города есть большое озеро, а к северо-западу лежат песчаные холмы».¹ Из европейских путешественников описание города *Ezina* находим у Марко Поло: «От Канпициона на двенадцатый день город *Ezina*. Стоит он в начале песчаной степи, на севере, в Тангутской области».² В примечаниях к третьему изданию английского перевода книги Марко Поло говорится: «I believe there can be no doubt that *Etzina* must be looked for on the river *Hei-shui*, called *Etsina* by the *Mongols*, east of *Suhchau*...»³ Так как название города идет от реки, то и слово *эцин* в монгольском названии этой реки (*Эцзин-гол*) мы можем считать сокращением *эзина*, восходящему к тангутскому $*\gamma\bar{z}ie\text{-ni}^{\bar{a}}$.

Профессор А. И. Иванов первый, насколько мне известно, пробовал название города *Ezina* объяснить филологически и сблизить с тангутским словом. Возможно считать, по его мнению, слово *Эзина* фонетическим искажением 居延 *Цзюй-янь*,⁴ но «более вероятно сближение со словом «цзэни» — тангутским словом (в китайской транскрипции), которое встречается в двухъязычном словаре в значении — «город, укрепленный пункт», тем более, что в *Ицзинайлу* при тангутах был военный округ. Тангут-

¹ А. И. Иванов. Из находок П. К. Козлова в г. Хара-хото, стр. 3. СПб., 1909.

² И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло. Изд. Русского Географич. Об-ва, стр. 80—81.

³ Henry Yule. The Book of Ser Marco Polo, III-е изд. с дополнениями Henry Cordier, стр. 225. Лондон, 1903.

⁴ Относительно несостоятельности данного предположения см. P. Pelliot. Documents chinois trouvés par la mission Kozlov (Journal asiatique, 11-me série, t. III, 1914, стр. 506-примеч.).

ское же слово «цзэни», очевидно, соответствует тибетскому «цзон»-город. Во всяком случае название «Ицзинай (Эцзина)» — было ли оно тибетского или монгольского происхождения — официально было принято для города и области только при монголах, современное же «Хара-хото» — монгольское название позднейшего происхождения.¹ Предположение проф. А. И. Иванова, что слово И-цзи-най (Езина) восходит к тангутскому слову цзэни «город», несомненно ошибочно, так как в «двухязычном словаре», под которым понимается Чжан-чжун-чжу, такого слова нет. Там имеется слово (Т. 50), «Бюро Дворцового снабжения», переведенное китайским 皇城司 букв. «бюро императорского города» (нечто в роде министерства императорского двора) и транскрибированное 乾尼則囉.² Проф. Иванов отождествил второй тангутский идеограф со вторым идеографом китайского перевода (城), а так как произношение тангутского знака транскрибировано китайскими 則尼, написанными в горизонтальную строчку, то профессор, прочитавши их в европейском порядке слева направо (вместо правильного чтения справа налево) и решил, что «город» по-тангутски «цзэни». На самом же деле, второй идеограф тангутского сочетания, повидимому, значит «снабжение», «приготовления»³ и на основании китайской транскрипции должен читаться pdzə (ср. его чтение в тибетской тр. — hdziñ).

Итак, город *γzje-niā находился на реке того же имени, переводимой по-китайски Хэй-Шуй, т. е. «черная вода». Один из истоков ее (или по другим версиям притоков) носит название Бай-хэ, т. е. Белая река. Тождественна ли эта река с «Белой рекой», упоминаемой в вышеразобранной тангутской оде или под последней понимается какая-то другая река? Кое-какие данные о тангутской «Белой реке» мне удалось найти в уже упомянутой книге «Море значений» (Т. 10). Прежде всего во второй главе книги, в отделе, посвященном горам, читаем: «Государства Ми (т. е. тангутского) три большие горы; зимой и летом снег падает, (даже если) солнце светит, (он) не тает, постоянно лежит. (Эго) горы Хо-лань (賀蘭), горы с лежащим снегом и гора Янь-чжи (焉支)» [Т. 51]. Относительно гор Хо-лань не может быть никакого сомнения, так как это горы в восточной

¹ А. И. Иванов. Документы из города Хара-хото (ИАН, 1913; стр. 811—916).

² См. Ч.-ч.-ч. в изд. Ло Фу-чан'а, стр. 28 а.

³ Ср. напр. употребление этого идеографа на стр. 33 а и 34 а (по тому же изданию словаря).

части провинции Гань-су, до сих пор носящие то же название. Что касается горы Янь-чжи, то она иначе называется еще 刪 (ныне 山) 丹山 Шань-дань-шань и находится в Гань-чжоу, в 50 ли к юго-востоку от Шань-дань-сянь (山丹縣) или еще точнее по границе между Лян-чжоу и Гань-чжоу. С этой горы вытекает река Шань-дань-хэ, впадающая в Эцзин-гол.¹ Таким образом остаются лишь под вопросом «горы с лежащим снегом». Несколько ниже в только что цитированной книге говорится: «Большие горы Южной границы (по границе государства Ми с Тибетом)» [Т. 52]. Вслед за окончанием комментирующих пояснений, заключенных мною в скобки, читаем: «Большие горы с лежащим снегом (горы высоки, зимой и летом снег идет, снежный остов не тает, по краям тает)», [Т. 53]. И, наконец, идет текст, имеющий непосредственное отношение к нашей теме: «Горный остов (=кряж, хребет) обширен и длинен (снеговые горы долги и длинны, не прерываются, разных государств всех достигают; то, что у основания покоится [вероятно, в значении «то, что берет здесь начало»], это — верховья Белой реки)» [Т. 54].

Из последнего текста вполне ясно, что «Белая река» есть собственное имя реки, имеющей свои истоки в «Снеговых горах». Из того, что все данные об этих горах идут вслед за «горами Южной границы», граничащими с Тибетом, можно заключить, что Снеговые горы не что иное, как Нань-шань (南山 букв. Южные горы), иначе хребет Рихтгофена, наиболее возвышенная часть которого по-китайски носит название Ци-лянь-шань (祁連山). Эти горы носят также китайское название Сюэ-шань (雪山), т. е. «Снеговые горы».² Китайский географический словарь 中國古今地名大辭典 «Чжун-го Гу-цзинь ди-мин да-цы-дэнь»³ под словом 白河 Бай-хэ («Белая река») говорит: «Находится в Гань-су, в древности называлась Сань-шуй, а также Тао-лай-хэ; стекает с Кукунорских гор Ци-лянь-шань, за Цю-цюан'ем сливается с Хэй-хэ, впадает в монгольское (озеро) Эцзина — Цзюй-янь-хай» (= Гашун-нор) (在甘肅。古呼蠶水。亦曰洮賚河。發源青海之祁連山。流經酒泉與黑河合。入蒙古額濟納之居延海。).

¹ Т. Fujita, «Янь-чжи и Ки-лянь». См. сборник статей по случаю 60-летнего юбилея проф. Т. Найтё, стр. 762.

² См. напр. 辭原 Цы-юань, под 雪山.

³ Изд. The Commercial Press, Шанхай, 1931.

Таким образом, на основании вышеприведенных данных, мы можем отождествить тангутскую «Белую реку» с этой Бай-хэ. И это, конечно, будет наиболее быстрым разрешением вопроса. Однако, по крайней мере у меня лично, появляются некоторые сомнения. Всмотримся еще раз в переведенные строфы оды:

«Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни;
Краснолицых отцовские курганы в верховьях Белой реки;
Длинных 'mī-nǐǎ', страна там находится».

Данные строфы, по всей видимости, определяют те границы, в которых лежала страна тангутов или Тангутское государство. Страна эта, как известно, занимала пространство от песков Гоби на севере до китайской провинции Сы-чуань на юге. Если же мы признаем за «Белую реку» современную Бай-хэ, то границами государства окажутся лишь пески Гоби на севере и хребет Рихтгофена на юге, что не будет соответствовать и половине его протяжения. Поэтому «горы южной границы» я стал рассматривать не как перевод китайских Нань-шань, а в буквальном смысле, т. е. гор, находящихся на южной границе Тангутского государства. Стоит только взглянуть на карту, чтобы увидеть, что такими горами являются горы Минь-шань (岷山) по границе с Сы-чуань, прилегающие также к Восточному Тибету. Эти горы тоже покрыты вечными снегами и также носят китайское название Сюэ-шань, т. е. Снеговых гор.¹

Такое перенесение «снеговых гор» с Нань-шаня на Минь-шань, по-моему, несколько не противоречит вышеприведенному тангутскому свидетельству о «трех больших горах» (= горных хребтах) государства Ми, покрытых вечными снегами. Этими хребтами, таким образом, окажутся Алашань (Хо-лань-шань), Шань-дань-шань (под которым, видимо, понимался тангутами весь хребет Нань-шань) и, наконец, южные снеговые горы, т. е. Минь-шань. Но какая-же тогда река будет соответствовать «Белой реке»? Такой рекой несомненно будет Бай-шуй 白水 (букв. «белая вода»), стекающая с Минь-шаня, известная ныне в своих верховьях под именем Бай-шуй-хэ 白水河, а в дальнейшем течении, как Бай-шуй-цзян 白水江.

Словарь Цы-юань под словом «Бай-шуй» говорит: «Название реки, истоки берут начало на восточной границе Сун-пань-сянь'я (провинции)

¹ См. напр., 辭源 под сл. 雪山.

Сы-чуань и называются Бай-шуй-хэ. Текут на восток и вступают в Вэнь-сянь (провинции) Гань-су, где становятся рекой Дун-чуань; на северо-востоке сливаются с Цин-цзян'ом и на юго-востоке впадают в Бай-шуй-цзян. Хань'ские «кян'ы Белой реки» жили здесь. Повидимому Цин-цзян и Бай-шуй-цзян в старину тоже назывались Бай-шуй (水名。源出四川松潘縣東境曰白水河。東流入甘肅文縣。爲東川河。東北合清江。東南入於白水江。漢白水羌居此。按清江及白水江。古亦稱白水云云)。 Вышецитированный китайский географический словарь к этому приводит еще цитату из Сун-шу (宋書): «Бай-шуй — от Си-кин'а до границ Инь-пин'а. Ди, жившие по берегам реки, были «ди Белой реки» (白水自西傾至陰平界。氏居水上者。爲白水氏)。 Что касается Бай-шуй-цзян'а, то и этот географический словарь, и Цы-юань, оба называют эту реку 羌水 Кян-шуй — (букв. вода, т. е. река «кян'ов»). Цы-юань под последним словом говорит: «Древняя Хуань-шуй, иначе называвшаяся Дянь-цзян, ныне называется Бай-шуй (古之桓水。亦名墊江。今日白水)。 Судя по цитируемой Цы-юан'ем Хуань-юй-цзи (寰宇記) Кян-шуй называлась еще Бай-цзян (白江)。 Эта «река кян'ов», судя по цитате из Хань-шу, приводимой географическим словарем, относилась в тот отдаленный период к уезду Кян-дао (羌道), находившемуся в северозападной части современного Си-гу-сян'я (西固縣) провинции Гань-су.

Резюмируя все вышеприведенные китайские данные о Бай-шуй, можно сказать, что эта река еще со времени Хань'ской династии считалась как бы очагом, вокруг которого жили инородцы западного Китая, известные в Китае под именем «кян'ов» или «ди» и потому река эта и называлась даже «Рекою кян'ов». Сами эти инородцы тоже называли себя по имени этой реки, так как вышеприведенные выражения китайских историй в роде «кян'ов Белой реки» и «ди Белой реки», несомненно являются китайскими переводами туземных названий. И вот, когда эти инородцы через много веков освободившись, наконец, от китайского ига, основали собственное государство, они перенесли на него название своей исконной родины, где находились могильные курганы их праотцов, и таким образом их новое государство стало называться «Государством Верховьев Белой (реки)».

Часть Восточного Тибета, примыкающая к Гань-су со стороны Минь-шань, носит тибетское название Kham (пишется Kham's) или еще Kham-

mi-ñak, или просто Mi-ñak,¹ т. е. то же самое, которым как мы видели выше, тибетцы называли страну тангутов, что лишней раз доказывает что бассейн Бай-шуй был очагом тангутского населения.

Слово «река» по-тангутски произносилось *ma (в Ч.-ч.-ч. танг. идеограф транскрибирован китайским 麻 ma и «Морем письмен» отнесен к 20-й рифме «ровного» тона). Что касается идеографа «белый», то в Ч.-ч.-ч. он транскрибирован китайским 癆 mañ, *mañ, он же, как мы видели выше, употреблен для транскрипции китайского 靡 r'aiñ, *b'aiñ [Т. 5]. «Морем письмен» он отнесен к 55-й рифме «ровного» тона. Исследование идеографов этой рифмы и сравнение с идеографами соответствующей [48-й] рифмы «восходящего» тона заставляют предположить, что слово «белый» по-тангутски произносилось *mb'ai (или *mb'ai). Таким образом выходит, что «Белая река» по-тангутски называлась *ma-,mb'ai (или *ma-,mb'ai), а «верховья Белой» — *mb'ai-'mb'e (или *mb'ai-'mb'e).

Итак, мы видели, что идеограф *mb'e «верх, верховья» в официальном названии тангутского государства употреблен в вышеприведенном значении, а не является лишь транскрипцией для передачи названия народа Mi, для которого изобретен специальный идеограф [Т. 3]. Ло Фу-чэн тоже понимает первые два идеографа в названии тангутского государства, как «верховья Белой» (白 上). Такое название, по его мнению, вызвано или тем, что тангуты жили к западу от изгиба Желтой реки, т. е. в ее верховьях, где воды ее еще не желтые, или тем, что «тангуты жили в верхнем течении Бай-хэ, почему и называли (государство) верховьями Белой» (夏人居白河之上流故又曰白上). Противопоставляя Бай-хэ, т. е. «Белую реку» Хэй-хэ («черной реке»), он несомненно имеет в виду истоки Эцзин-гола.²

Откуда же взялись китайские сочетания «у-ми» и «юй-ми», которые внушили г. Ван Цзин-жу идею, что тангутские идеографы *mb'e («высокий, верх») и *mi («тангут») есть ни что иное, как «ми» в этих сочетаниях, и что оба идеографа употреблены фонетически для передачи понятия «человек», которым тангуты называли себя? Даже из цитируемых г. Ван'ом источников ясно, что сочетания «у-ми» и «юй-ми» вовсе не обозначали всех тангутов, а были лишь родовым наименованием небольшой

¹ Sarat Chandra Das. A Tibetan-English Dictionary (под словом mi-ñag).

² См. Спец. тангутский номер «Бюллетеня Национальной Бэйпинской Библиотеки», стр. 342. Бэй-пин, 1932.

кучки правителей, точнее, тангутских императоров. Например, в цитированной им биографии Ли Хэн'а (李恆) из Юань'ской истории говорится: «Его предки из рода Юй-ми, в конце (династии) Тан были пожалованы фамилией Ли и из поколения, в поколение были государями Западной страны» (其先於彌氏唐末賜姓李世爲西國主). Согласно китайской истории эта фамилия была пожалована китайским императором в конце годов Тянь-бао (742—755) То-ба Сы-гун'у, одному из предков тангутской императорской фамилии. Вместо сочетаний «У-ми» и «Юй-ми» Юань'ской истории в Сун-шу тот же самый род тангутских владык называется «Вэй-мин». Например, там сказано, что император Юань-хао называл себя «Вэй-мин у-цзу» (嵬名吾祖).¹

В тангутских письменных памятниках, в особенности в буддийских сутрах, очень часто вслед за заглавием приводится титул императора, редактировавшего, а иногда даже и переводившего текст. Всегда в таком случае такой титул заканчивается четырьмя идеографами [Т. 55]. Первый из них «Гомофонами» отнесен в отдел «велярных», а в «Драгоценных рифмах» находится под 7-й рифмой «восходящего» тона, куда отнесены, например, следующие идеографы [Т. 56]. Первый из них транскрибирован китайским 每 mei, *muái; второй — 墨 mo, *mæk (Lt. mei); третий — 賊 tsə, *dz'ək (Lt. tsei); четвертый — 悉 si, *sjët, также для транскрипции 塞 se, sai, *sək, *sâi (Lt. sei); пятый — 勒 læ, *læk (At. lei); шестой — 嵬 wei или в тиб. тр. dwi, dwih, wi. Сравнивая с соответствующей (8-й) рифмой «ровного» тона можно прийти к заключению, что общим окончанием этих рифм было ei. Судя по тангутским фонетическим таблицам, не имеющим в данных рифмах идеографов начинающихся с k, можно допустить три начальных k', g' и ñ. В рифме 8-й «ровного» тона мы имеем всего на всего один идеограф, начинающийся с велярной фонемы (Т. 57) и, судя по фань-це, начинающийся с ñ и относящийся ко второму горизонтальному ряду таблиц, т. е. читающийся *,ñ^wei. Из того, что в одну фонетическую группу с разбираемым нами идеографом входит идеограф (Т. 58), имеющий в своем составе полностью вышеприведенный знак (Т. 57), читающийся *,ñ^wei, я заключаю, что и (Т. 58), а следовательно и разбираемый, читались также, но только «восходящим» тоном, т. е. *,ñ^wei. Второй идеограф из вышеприведенных четырех (Т. 55), «Морем письмен» отнесенный к 11-й рифме «ровного» тона, входит в одну фонетическую группу с идео-

¹ См. вышецитированный специальный тангутский номер, стр. 56.

графом (Г. 59), транскрибированным по-китайски 名 *mīn*, **mjān* (Lt. Pl. *mīə*), а по-тибетски *mī*, *dmī*. Эта рифма соответствует 10-й рифме «восходящего» тона, которая, как мы видели оканчивалась на *i*. Таким образом мы можем заключить, что искомое чтение идеографа было **mī*. При объяснении значения идеографа вышеназванный словарь приводит сочетание из вышеразобранного идеографа **n̄^wei* и данного (т. е. **n̄^wei*, *mī*) и далее говорит: «это. — фамилия императоров» [Т. 60]. Третий идеограф сочетания [Т. 55] значит «небо» (天), а как эпитет императора августейший (皇). По-китайски он транскрибирован 魚骨 *ü+ku*. **n̄^wo-kuot*, а в тиб. тр. *gñwa*. В словаре «Гомофоны» он отнесен в группу «велярных» и в «Море писем» находится под 84-й рифмой «ровного» тона. Сравнивая китайскую и тибетскую транскрипцию идеографов этой рифмы, можно заключить, что последняя оканчивалась на *ə*. На основании «фань-це» выясняется, что место данного идеографа во втором ряду фонетических таблиц, т. е. что начальная фонема соединяется с окончанием посредством лабиального glide'a. Итак, произношение данного идеографа было **n̄^wə*. Наконец, четвертый идеограф сочетания [Т. 55] значит «император» (帝) и вместе с третьим соответствует китайскому выражению 皇帝 Хуан-ди «августейший император», но прилагаются они исключительно к императору тангутскому. «Гомофонами» этот идеограф отнесен в отдел «дентально-альвеолярных» где в одной группе с ним находится идеограф [Т. 61], означающий тангутскую фамилию. Правая часть последнего идеографа [Т. 62] несомненно указывающая на его произношение, по-китайски транскрибирована 尼卒 *ni+tsu*, **n̄^wji-tsuət* (Lt. Pl. *ni-tsy*), что вероятно произносилось **ndzu* или **ndzy*. Установление точного окончания и тона в настоящий момент затруднительно, почему временно оставляю вышеприведенные окончания, не снабжая тональным знаком.

Таким образом, все четыре идеографа, встречающиеся вслед за титулом того или иного императора, читались **n̄^wei*, *mī*, *n̄^wə*-*ndzu* (или *ndzy*) — «августейший император (по фамилии) **n̄^wei*, *mī*.» Сравнивая произношение этих четырех идеографов с вышеприведенным китайским «вэй-мин у-цзу», с уверенностью можно сказать, что последние являются транскрипцией тангутских слов, которыми официально называли себя тангутские императоры, начиная с Юань-Хао.

Все вышеизложенное вызвано недавним появлением в свет «Тангутских штудий» китайского ученого Ван Цзин-жу, где между прочим имеется статья «О названии государства Си-ся». В ней г. Ван переводит официальное название страны «Государство Белых Ми», считая, что последнее слово является транскрипцией названия тангутского племени, нашедшего свое отражение в китайской истории в виде Юй-ми, У-ми и Вэй-мин.

В своей статье я старался показать на основании тангутского материала, что идеограф, который г. Ван считает употребленным фонетически, на самом деле означает «высокий, верх», а в названии государства в еще более узком смысле «верховья (реки)», и что название это должно быть расшифровано как «Государство верховьев Белой (реки)». Пользуясь тангутскими и китайскими данными, я пришел к заключению, что под Белой рекой понимается не Бай-хэ (Белая река), впадающая в Эцзин-гол, а Бай-шуй (Белая вода), берущая начало в горах Минь-шань, которая с эпохи Хань считалась очагом местожительства «кян'ов (или ди) Белой реки», под которыми несомненно понималось тибетско-тангутское племя.

Устанавливая местонахождение Белой реки пришлось затронуть вопрос относительно Эцзин-гола, называвшегося по-китайски Хэй-шуй (Черная вода). Так как последним словом по-китайски назывался и известный «мертвый город» Хара-хото, расположенной на этой реке и носивший тангутское название *γziē-njā, то я пришел к заключению, что названия тангутского города И-цзи-най, встречающегося в Юань'ской истории, и Эзина, упоминаемого у Марко Поло, являются ни чем иным, как китайской и монгольской передачей вышеупомянутого тангутского слова, продолжающего жить в названии реки Эцзин-гол.

В своей статье я показал, что помимо 'mi, которым называли себя тангуты, у них было еще слово 'mi-njā, которое тоже употреблялось для обозначения их племени. Последнее, вероятно, породило название mi-ñak, которым тибетцы называли страну тангутов и до сих пор еще называют прилегающую к китайской провинции Гань-су свою восточную провинцию Kham.

Наконец, я постарался доказать, что вышеупомянутые слова Юй-ми, У-ми и Вэй-мин вовсе не являются транскрипцией тангутского племенного названия, а лишь передают фамилию небольшой кучки тангутских императоров, *'n^wei-mi. Эти императоры, начиная с Юань-хао, официально величали себя *'n^wei-mi .n^wə-ndzu «августейшими императорами (фамилии) *'n^wei-mi», что зарегистрировано китайской историей в виде вэй-мин у-цзу.

